

9 декабря. Билибино

Привет, дорогая Вероника!

Только что вернулся со встречи с семидесятипятилетней чукчанкой. Сама эта встреча произошла лишь потому, что задержался рейс в Анадырь. Да! Я многое бы потерял, если бы самолеты летали по расписанию... Нахожусь под впечатлением. С нею была её младшая дочь. Она помогала мне, потому что речь чукчанки была не совсем понятна. К тому же она разговаривает очень тихо. Я сделал кое-какие наброски и пересылаю их тебе. Это «сырой» материал, из которого в будущем может вырасти целый роман. Теперь жди моих писем из столицы Чукотки. Надеюсь, завтра я все-таки окажусь там.

* * *

В последний день пребывания в Билибино я встретился с Марией Васильевной, пожилой чукчанкой, которая родила восьмерых детей. Причем шестерых из них — в тундре. Мы познакомились на вечере национальных культур, и я попросил Марию Васильевну о встрече.

Сначала я хотел пригласить Марию Васильевну к себе, но она предпочла «свою территорию». За мной пришел её внук и отвел к старому длинному одноэтажному дому на улице 30-летия Советской Чукотки. Здесь обычно останавливаются чукчи, приезжающие из поселков в райцентр, главным образом в больницу.

В одной из небольших комнат этого барака меня ждали Мария Васильевна и ее дочь Людмила. Я старался запоминать все сказанное и делал записи, чтобы не ускользнула ни одна реплика.

Сосредоточиться было трудно, потому что хотелось смотреть на Марию Васильевну, на её лицо, глаза и, конечно, на руки. У старой чукчанки руки особенные. Они кажутся уставшими, огрубевшими, измученными и с внешней стороны напоминают зимнюю тундру с замерзшими реками-жилками и грядами сопок-морщинками. Взгляд у Марии Васильевны внимательный, но бесхитростный. Жизнь, как ни ломала, как ни разубеждала и ни разочаровывала, ничего не смогла поделать с нею. Спасали тундра и ее непреложные законы, не терпящие зла и не прощающие малодушия. Ее голос — тихий, нежный, даже жалобный, сохранивший интонации, обороты и выражения, которыми разговаривала Мария Васильевна двадцать, сорок и шестьдесят лет назад.

Язык народов Крайнего Севера, и особенно язык чукчей, несмотря на обилие твердых знаков, жесткое соседство гласных, включая букву «ы», с глухими и шипящими согласными, — тих и мягок. Им не накричишься, не выразишь злобу или ненависть, не позовешь в атаку, не споешь «Марсельезу». Этот язык для неторопливой передачи памяти, для легенд и преданий, он — для разговора на малом расстоянии, когда собеседники рядом. Мне показалось, что из уст женщины язык чукчей звучит иначе, чем из уст мужчины. Голос чукчанки будто создан для колыбельной, едва слышной в полумраке яранги. В любви это должен быть язык не менее чувствительный и обворожительный, чем французский. Русский актер, постигнув тайны языка чукчей и эскимосов, блистал бы на сцене и в пьесах Чехова не имел бы равных.

МАРИЯ

Мария Васильевна родилась в середине двадцатых годов в яранге. Её семья носила имя Рассвет (Вэнтынэ) и относилась к чукчам-лучникам, в древности охотившимся с помощью лука и копья. Отец был оленеводом, и звали его Оленёнком (Коравьге). Маму звали Солнышком (Тэркытваль). До замужества она

пастушила у богатых, чтобы прокормить семью. После того как Оленёнок с Солнышком поженились, у них стали рождаться дети, и, что немаловажно, росло стадо — до трех тысяч оленей. Впрочем, у чукчей по тем временам такое стадо не считалось большим.

Мария Васильевна помнит из рассказов матери, как пришедшие в тундру большевики — «какой-то Мандриков» — отобрали стадо; помнит, что один из большевиков, его звали Железная Нога, отказывался исполнять грабительский приказ, и его свои же расстреляли; помнит, что все время голодали и что родители, поддерживая отношения с американцами, ездили на Аляску, увозили шкуры и пушнину, а привозили чай и сахар. Помнит Мария Васильевна и начало коллективизации, когда их, едва окрепших, вновь ограбили, теперь уже под видом раскулачивания, оставив на пропитание триста оленей. Приехал какой-то русский и сказал: «Вы, товарищи, пасите оленей, как пасли, только повнимательнее: теперь это стадо государственное!» Помнит, как вновь голодали и были вынуждены есть евражек (сусликов) и медвежатину.

Тогда же стали организовываться совхозы, а при них — школы. Но мама Марии Васильевны считала, что никакого образования в тундре не надо. Сама тундра — лучшая и единственная школа, а всякое прочее образование едва ли принесет счастье. Скорее, наоборот, грамотная чукчанка обязательно выйдет замуж за русского и покинет тундру, в то время как главный завет предков и неперемное условие существования кочевого народа: «Никогда не оставлять стадо!» Как земля кормит крестьянина, станок — рабочего, а мастерок — строителя, так стадо кормит пастуха-оленевода. И не только кормит. Стадо — это домашний очаг-яранга, тепло и свет жирника, спасительная одежда, наконец, это стремительное движение вперед и единственная возможность выжить в условиях, в которых, кажется, человек жить не может. Мама Марии Васильевны была мудрой и доброй, настоящим Солнышком в

холодной тундре. Однажды она тяжело заболела. Марии Васильевне было двенадцать лет, когда Солнышко закатилось... Отчего-то я не спросил Марию Васильевну о судьбе отца, знаю только, что после смерти матери она осталась сиротой и не пропала лишь потому, что трудилась в стаде, помогая братьям.

ИВАН

В то далекое от нас время в тундре появился молодой оленевод Иван — высокий, симпатичный русский парень из Брянской области. Родился он сразу после революции, в 1918 году, рос в деревне и однажды набедокурил: с кем-то подрался. Его судили, но «пожалели», отправив не в тюрьму, а в тундру, пасти оленей. (А мы ругаем режим за отсутствие гуманизма.)

Иван поначалу просто пастушил, но вскоре проявил способности, возглавил оленеводческую бригаду и в этой должности проработал до конца жизни! Бригада Ивана считалась лучшей, а сам бригадир стал уважаемым и известным человеком. У него не раз была возможность уехать, но он тундру не оставил и каторжный труд оленевода ни на что не променял. «Тайна» этого профессионального успеха — в крестьянском трудолюбии, умноженном на счастливую восприимчивость: Иван учился оленеводству у старейшего олонского пастуха Куриллова, и тот открыл русскому парню многие тайны ремесла.

...Труд оленевода действительно каторжный, не допускающий ни перерыва, ни отдыха, ни отвлечений. Весной появляются на свет телята, и пастухи круглосуточно их караулят: будят, поднимают, согревают, чтобы телята не околели. Причем это надо проделывать осторожно, стараться не спугнуть важенок, которые могут убежать, оставив телят, и тогда они наверняка погибнут. Надо выходить со стадом на такие места, где рыхлый снег, иначе слабые телята не проберутся сквозь ледяную корку к

моху. Но где найти рыхлый снег, если днем пригревает солнце и ночью от мороза на снегу образуется ледяная корка? Остается перемещать стадо из леса в долины, затем опять в лес, в ягельные места, которые надо хорошо знать. Ягель — основной корм оленей в зимнее время. Он растет медленно — три-четыре миллиметра в год. Это связано с коротким периодом вегетации. При недостатке влаги ягель (его еще зовут оленьим мхом) не погибает, но перестает расти. При обкусывании оленями верхней части рост ягеля замедляется, а съеденный до основания — вообще не восстанавливается. Такие особенности требуют от оленеводов не только внимательного отношения при выпасе, но глубоких знаний и скорых обдуманных решений. Нельзя в течение двух лет подряд пригонять стадо на одни и те же пастбища. Летом и осенью нельзя загонять оленей на обезвоженные ягельные участки. А ведь олень движется только вперед. Поэтому пастух-олeneвод должен знать не отдельный участок, а всю тундру, на сотни, если не на тысячи километров. И водить стадо тоже надо осторожно: бросившись наутек, олени могут затоптать телят. И чтобы провести отёл, тоже надо подобрать удобное и безопасное место. Для всего этого надо кочевать, кочевать, кочевать... Ночью надо смотреть в оба, потому что не дремлют безжалостные волки, ненасытные медведи, коварные россомахи. Чуть зазевался, отвлекся — и нет твоего стада. Волк не только злой и безжалостный, он хитрый и умный. Долго, терпеливо, с прищуром следит он... нет, не за оленями (зачем за ними следить?) — за оленеводом: изучает его поведение, ищет слабинку, чувствует её и, если обнаружит, не прощает.

У-у-у! Матерый полярный волк, глядя раскосыми глазищами на оленевода, точно знает, есть у того патроны или нет. А на три тысячи голов всего три оленевода! Не то что поспать — чайку попить и то не всегда удается.

Затем надо выходить со стадом на послевесенний маршрут. Летом работы тоже много: жара, дожди, туманы, гнус... В августе появляются ядовитые грибы. Олени их поедают, пьянеют и часто гибнут. К тому же летняя ночь - рай для хищников. Надо дежурить

усиленно. Сентябрь — время гона. Тоже период ответственный. Ненужных быков-самцов надо кастрировать. Надо также спиливать рога и сдавать. Из них извлекается ценный препарат стимулирующего действия. Потом приближается забой оленей и надо формировать товарное стадо. Затем нужно вновь выходить на зимовку, готовиться провести её без потерь. А там — весна, и все происходит по кругу, повторяется из года в год, из века в век...

Я изложил сотую, тысячную часть того, что проделывает пастух. А ведь жизнь полна неожиданностей, и к ним надо добавить всевозможные бюрократические препоны, вмешательство начальства: сегодня так, завтра иначе, послезавтра вновь по-старому. Вот и вся жизнь, без остановки, без отдыха. И все пешком, на лыжах или на оленях. Все время оленевод при стаде, и яранга — его желанный дом, его очаг...

Но какой очаг без любимой?

ВСТРЕЧА

Однажды русский оленевод Иван, кочуя вдоль берега реки Олой, притока Омолона, остановился у избушки, где его бригада обычно заготавливала мясо. В то самое время мимо кочевала другая бригада, в которой работала чукчанка Мария. На заснеженном берегу они и встретились. Он сказал ей: «Возьму тебя замуж, но будешь ли меня слушать?» «Конечно, буду!» — ответила Мария. «Будешь делать то, что я скажу?» — вновь спросил Иван. «Буду делать всё, что скажешь! — сказала Мария и в свою очередь спросила: — А ты?.. Ты меня не бросишь?» «Нет! Никогда не брошу! Буду всегда жить с тобой!» — ответил уверенно Иван.

Так поведала об этой судьбоносной встрече Мария Васильевна, и я дословно привожу ее рассказ, не сомневаясь, что разговор с Иваном был именно таким... хотя Мария в то время не понимала по-русски, а Иван совсем не знал языка чукчей. Когда душа говорит — нужны ли переводчики? В тундре, у реки Олой,

они познакомились и полюбили друг друга. Мгновенно. С первого взгляда.

Но что дальше? Вот испытание! Родственники Марии были решительно против того, чтобы она выходила за русского. Даже спрашивать об этом не стоило. В тундре обычаи надо чтить. Решение семьи — закон, противиться которому дело неслыханное. Что было делать? Времени на раздумья не было, а шансов встретиться еще раз — никаких. Тогда Иван подкатил нарту, постелил оленьи шкуры и шепнул Марии: «Ложись и не шевелись!» Она, как и обещала, подчинилась. Он накрыл ее шкурами и рванул.

Братья Марии были проворными и, заметив исчезновение сестры, бросились вдогонку. «Убьют они меня!» — запричитала из-под шкур Мария. «Не бойся! Я с тобой!» — успокоил Иван. Но чукчи оказались не лыком шиты. Может, на Брянщине они бы Ивана не догнали, но тундра — их стихия. Они настигли беглецов, бросившись наперерез. Остановили, схватили Марию, и если бы не Иван, то ей несдобровать. Ведь, связываясь с русским, она предает их языческую веру. Братья поначалу хотели запугать сестру и вернуть в стойбище. «Ты с ним или с нами?» — строго спросили они. Но Мария, собрав волю, сказала: «С ним поеду. Его одного люблю!» Тогда один из братьев засунул ей в рот палец: «Разорву, если только не вернешься!» Но тут уж Ваня пришел в ярость. Он был парень крепкий — взял одного за волосы, другого за грудки и расшвырял. Убивать не стал: все же родственники...

«Ну раз не хочешь с нами ехать — больше в стойбище не возвращайся», — строго предупредили братья, отряхивая снег с кухлянок.

Раньше, если муж бросал жену, то такая женщина оставалась на стоянке и уже не смела кочевать вместе с родом. Оставшись одна в тундре, она была обречена на гибель. Вот и Марию предупредили: «Бросит — не возвращайся». Но Иван сказал: «Если я тебя однажды взял, то уже не брошу. Будем жить до смерти!» И слово сдержал, прожив с Марией всю оставшуюся жизнь.

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОК

Итак, они встретились. Это произошло то ли в 1946-м, то ли в 1948-м году. Мария Васильевна точно не помнит, и уже, наверное, никто не помнит, но это не важно; главное — они теперь вместе. В 1949 году у них родилась дочь. Первого ребенка назвали Валентиной. В то время уже выдавали паспорта, детей должны были ставить на учет, лечить, учить, — словом, имя нужно было русское. А вообще, у чукчей имя ребенку давала мать. Вот что пишет об этом В.Г.Тан-Богораз:

«Имя выбирается при помощи гадания на "подвешенном предмете". В качестве "подвешенного предмета" в данном случае служит особый камень или часть одежды матери или ребенка, например, обувь или шапка. Мать держит в руках ремень с привязанным к нему предметом, перечисляет по порядку имена всех умерших родственников. Называя какое-нибудь имя, она говорит: "Это подойдет?" Выбирается имя, при произнесении которого предмет начинает раскачиваться.»

Как же родила Мария своего первенца?

Ей надо было ехать в Омолон к врачу. Иван посоветовал остаться, потому что врач обещал приехать сам. «Нет, я поеду!» — проявила характер Мария. Только отъехала — начались роды. Пришлось возвращаться. Но это сейчас Мария Васильевна говорит: «начались роды». А тогда она просто почувствовала, что заболел живот. В чукотских семьях запрещалось говорить о деторождении, и, случалось, роженица до последнего дня не знала, что с ней происходит, тем более не знала, как рожают и вообще от чего получают дети. Мария тоже не понимала, почему у неё такой большой живот.

«Я посмотрела: почему пупок не открывается?» Она была убеждена, что дети выходят наружу через пупок. А Иван, занятый

стадом или из деликатности, ничего ей не объяснил. А может, и сам не знал. В общем, Мария совершенно не представляла, откуда берутся дети.

Чукчанки рожали особенно. Быстро, неожиданно, без лишних приготовлений, церемоний и тому подобных сантиментов, на которые в кочевых условиях нет времени. Рожали молча и... сидя на корточках. Как бы ни было больно, чукчанка даже пикнуть не могла. Это считалось грехом: если закричит — придет злой дух и заберет ребенка. Сейчас таких подвигов от чукчанок не требуют, но они и по сей день рожают быстро и молча.

«Женщина, которая имела помощь при родах, потом всю жизнь терпит насмешки, и даже муж ее нередко получает насмешливое прозвище: "повитушный". Широкий таз, ввиду того что он облегчает роды, считается одним из главных признаков женской красоты. Влюбленный чукча похвалу своей возлюбленной начинает с восхваления ее силы и статности. Потом указывает на ее дородность, затем упоминает о её широком тазе и уже только после этого обратит внимание на длинные волосы, густые брови и румянец лица. Краткая формула похвалы проста: "Большая женщина, большой таз, длинные косы"».

(В.Г.Тан-Богораз. «Чукчи».)

Оставшись одна в яранге, Мария стала рожать. Считая, что ребенок должен появиться из пупка, она встала а четвереньки и ждала, когда пупок откроется. Слава Богу, вовремя пришла двоюродная сестра: «Ты с ума не сходи! Чего стоишь на четвереньках?» Сестра помогла Марии, показала, как надо встать, как дышать, что делать после родов с ребеночком, помыла его, запеленала... Так появилась Валентина, которая живет и здравствует в Омолоне.

Следующий ребенок родился через пять лет. Причем в обстоятельствах не менее любопытных.

НА БРЯНЩИНЕ

В 1954 году Иван неожиданно собрал вещи. В тундру сел небольшой самолет, погрузились в него всей семьей и улетели на материк. Как казалось, насовсем.

Иван привез жену и ребенка в Брянскую область к своим родным. Мария волновалась: примут ли ее, чукчанку, в русском селе? К тому же она была беременна, да еще с пятилетней девочкой на руках.

Но оказалось, все переживания были напрасны. И родственники, и сельчане приняли Марию радушно и тепло, хотя было необычно, что в исконно русском селении появилась чукчанка. Иван сказал всем: «Я её привез, и пусть она здесь живет. Не обижайте ее». Поскольку Мария впервые оказалась на материке, то поначалу вела себя словно дикая. Вдобавок она практически не понимала по-русски. К этому времени Мария почти десять лет прожила с Иваном, но русский знала плохо. Как же они понимали друг друга? Оказалось, когда надо, помогала все та же двоюродная сестра. Она была грамотной, и именно у нее научилась Мария разговаривать по-русски.

Итак, Иван привез Марию на свою родину, и спустя несколько недель у них родился второй ребенок. Уже не в яранге, а в родильном доме. Им вновь оказалась девочка, которую назвали Раей. Иван построил дом, намереваясь начать новую жизнь, но, прожив год с небольшим, неожиданно собрал вещи и вернулся в тундру.

Мария Васильевна считает, что муж вернулся в тундру потому, что на селе платили маленькую зарплату. Но Иван Михайлович был человеком масштабным. Север таким его воспитал. На Брянщине он был обыкновенным колхозником, каких тысячи, а в тундре — уважаемым и значимым человеком, в котором нуждались все: от начальства до оленевода. Никто во всей олонской тундре не знал так своего дела, как он, русский деревенский мужик. Там, на Крайнем Севере, он был нужнее, и это

решило всё. Мария, оставшись в русском селе с двумя детьми, опасалась, что муж больше не вернется. Однако спустя полгода он приехал за ней. Родители Ивана (добрые русские души!) привязались к чукчанке и так полюбили внучек, что попросили оставить их на какое-то время, пока есть силы нянчить. Поэтому Иван решил оставить дочерей на Брянщине, где они и росли под заботливым оком бабушки и дедушки. «На время», как водится, растянулось на многие годы. Валентина выросла, пошла в школу, впоследствии вышла замуж, родила ребенка и только потом вернулась в Омолон. А Раиса и по сей день живет в Брянской области.

СНОВА В ТУНДРЕ

В сентябре 1955 года родился еще один ребенок, и вновь дочь. (Что ты будешь делать!) Как и Валентина, она родилась в тундре. Но теперь, будучи опытной, Мария рожала без посторонней помощи. Муж, как всегда, был со стадом. Когда начались боли, Мария приготовила ножницы (вэныткунэн), нитку из оленьих сухожилий, расстелила шкуры и родила. Затем она перерезала пуповину, аккуратно завязала пупок и, как это делают акушеры, прижгла йодом. Девочка оказалась здоровой и способной к учебе. Сейчас Лариса проживает в Москве, по профессии — врач: занимается охраной здоровья народов Севера.

Следующего ребенка ждали четыре года. Ждали мальчика, потому что оленеводу нужен наследник. Мужчина — глава семьи, охотник, оленевод, с ним связано будущее. Но почему-то рождаются девочки, и женщины вынуждены рожать до тех пор, пока не появится мальчик. Оттого в тундре часты многодетные семьи. Но у Марии с Иваном четвертым ребенком вновь оказалась девочка.

Она родилась под самый Новый год. В то время при каждом совхозе был клуб, а в нем — отдел агитбригад с довольно мощной технической базой, включавшей вездеходы и киноаппаратуру.

Агитбригады объезжали оленеводческие стойбища и даже отдельные бригады, которых в то время в одном только Омолоне насчитывалось десятка полтора. Пастухам привозили популярные фильмы и крутили их прямо в яранге или в палатке. Надо было ни о ком не забыть, всех просветить и все объяснить, а главное — показать, что люди в тундре не оставлены, что о них помнят и они нужны стране. И оленеводы это ценили. Сейчас, конечно, даже представить подобное невозможно. Не потому, что появились телевизоры, а потому, что в том же Омолоне коренным жителям не до кино. Они нередко голодают, питаются комбикормом, к тому же свет там включают лишь на несколько часов. Это в поселке. Про тундру же и говорить нечего.

Вечером 31-го декабря агитбригада привезла в тундру кинофильм «Тихий Дон». Известно, что страсти там разыгрываются нешуточные: и политические, и ещё больше любовные. Конечно, пастухи из бригады Ивана собрались посмотреть кино, а заодно встретить Новый год. И Марии тоже хотелось увидеть фильм, о котором столько слышала. Но именно в этот предновогодний вечер у неё начались схватки. Что делать?

«На дворе пятьдесят градусов. Всё приехали смотреть кино, а я рожаю!» — смеясь, рассказывает Мария Васильевна. Но тогда было не до смеха. В их яранге, ожидая начала сеанса, находились четверо мужчин. «Представляете! — включается в разговор Людмила. — Люди пьют чай, разговаривают, а мама сидит напротив и рожает!» «Нет, не так, — поправляет младшую дочь Мария Васильевна. — Вот стол, вот пастухи сидят, вот я рожаю. Акулина, соседка, меня платком прикрыла, а они пьют чай, рассказывают друг другу какие-то истории и не подозревают, что я рожаю. Как он (муж) приехал, зашел в палатку, как всё увидел — так сразу всех выгнал! А они даже не поняли, в чем дело. Только ушли — я родила. Они пошли смотреть кино, а я осталась с ребенком».

Людмила добавляет к рассказу Марии Васильевны: «Мама родила Свету, завернула в рубашку, успокоилась и говорит: "Я тоже хочу смотреть кино. Это же впервые в жизни!". Но папа

строго наказал отдыхать после родов. И, кроме того, что подумают остальные? "Ты же не собачка какая-нибудь!" Но мама папу перехитрила».

Ивану и в голову не могло прийти, что чукчанка сразу после родов способна не только смотреть кино, но, если надо, играть в футбол. Мария, как только ушел муж, оделась потеплее, вышла из яранги, незаметно подобралась к палатке, в которой демонстрировали фильм, проделала дырочку (а может, дырочка там уже была) и, стоя на коленях, в пятидесятиградусный мороз смотрела кино!

Закончилась первая серия, и, пока киномеханик менял катушки, Мария быстро вернулась в ярангу, сняла верхнюю одежду и как ни в чем не бывало залезла под шкуры.

Пришел Иван проведать жену и ребеночка: «Ну, как там Мария? Не замерзла?» — спросил Акулину. Соседка, которая в заговоре с Марией, отвечает: «Нет, не замерзла». А Мария лежит под шкурами, вроде как спит. Иван попил чаю и пошел досматривать «Тихий Дон». Только началась вторая серия — Мария вновь к палатке. Так она посмотрела весь фильм.

Если бы его создатели знали, что на краю земли, в тундре, только что родившая чукчанка, стоя на коленях в жуткий мороз, смотрела сквозь дырочку в палатке их трехчасовой фильм, то уже одним этим зрителем были бы счастливы. И если бы присуждали самые высокие премии, включая Оскара, не только за лучшие роли и режиссуру, но еще и самому великому кинозрителю всех времен и народов, то не сомневаюсь, что таковой был бы определен единогласно. Им бы стала Мария!

Мария Васильевна родила Светлану, не «дотянув» до 1959 года два часа. Но Иван все же поставил дату рождения 1 января 1959 года. (Боюсь, и сейчас чукчанка родит, а муж поставит дату рождения по своему разумению.)

ОМОЛОН И АПОЛЛОН

Спустя два года у Ивана и Марии наконец родился мальчик, Владимир. Он родился в феврале. У них почти все дети зимние. Мария рожала в междукочевье, потому что во время движения по тундре нарту трясет, возникают дополнительные нагрузки и есть риск родить преждевременно, а то и выкинуть. Так что здесь все верно и для здоровья правильно. Кстати, все дети родились и росли здоровыми, крепкими. Владимир сейчас проживает в Омолоне.

В 1965 году, летом, вновь родилась дочь — Катя. А следующим появился на свет мальчик Витя. Он родился в мае, и это были самые драматичные роды.

Май в тундре — не май в Подмосковье. Здесь могут быть и метели, и морозы, и все что угодно. Бригада Ивана кочевала в поселок, чтобы привести туда только что родившихся телят. Было холодно, и ночью их приходилось поднимать, чтобы не замерзли. Кроме того, подыскивали места, где не так много снега, чтобы телята смогли копытцами пробить ледяную корку и достать корм. И тут у Марии начались схватки.

«Два шага сделаю — сижу. Еще два шага сделаю — опять сижу. Он говорит: "Мария, потерпи! Надо докочевать до поселка". Поднялись на сопку, устали, давай кипятить чай. Только вскипятили, как началась пурга. Он говорит: "Пойду телят поднимать, а то снегом засыпет — и погибнут." Он ушел, а я давай рожать».

В палатке было холодно. От сильного ветра она ходила ходуном. На то, чтобы затопить печку, не осталось сил. Кроме того, Мария боялась, чтобы искра не спалила палатку: тогда — верная гибель. Иван спасал стадо и, выбиваясь из сил, поднимал телят, а его жена в это же время спасала себя и будущего ребенка. Как обычно, она приготовила все необходимое: ножницы, нитку, йод, подстелила пыжиковую шкуру и силилась родить. Но на этот раз ничего не получалось: то ли от холода, то ли от тревоги за мужа, то ли еще от чего-то. В палатке был небольшой столик вроде журнального. Мария подстелила под ним пыжиковую шкуру, стала на колени, обхватила столик, уперлась в крышку: «Или умру,

или рожу! Как потянула этот стол, а ребенок у меня прямо и выскочил. Он был такой холодный! Ведь печка не топится, ветер гуляет по палатке...» Впотьмах и суматохе куда-то подевались ножницы. И она, как это делали предки, перегрызла пупок, потом завязала его кусочком платка, завернула ребенка в шкуру и упала без чувств. Спустя какое-то время пришла в себя, встала, разожгла печку, растопила лед и помыла сына.

Невероятно, но точно так же, как родился этот чукотский мальчик, появился на свет луконосный сын Зевса и Лето, о чем свидетельствует Гомер. Только вместо столика богиня использовала тропическое дерево. Девять дней и столько же ночей мучилась Лето в «безнадежно тяжелых схватках», и никак на помощь не приходила Илифия, богиня — покровительница рожениц. Ее удерживала ревнивая Гера. Наконец Илифия добралась до острова:

*«...Только ступила на Делос Илифия, помощь родильниц,
Схватки тотчас начались, и родить собралась богиня.
Пальму руками она обхватила, колени уперла
В мягкий ковер луговой. И под нею земля улыбнулась.
Мальчик же выскочил на свет.
И громко богини вскричали...»*

СЧАСТЬЕ МАРИИ

В 1970 году у Марии и Ивана родилась еще одна дочь — Людмила, с которой я и познакомился.

«Я родилась в Омолоне, на полу восьмиквартирного дома, в более-менее человеческих условиях», — рассказывает, улыбаясь, Люда. Она была восьмым ребенком и вторым, который родился не в тундре. Больше Мария не рожала: «Ну хватит уже! Сколько можно!»

Зачем же столько рожать, да еще в таких условиях?

Мария Васильевна ответила просто: «Они нам были нужны!» А Людмила пояснила, что таковы были устои и традиции: «Больше, чем оленями, богатство семьи определялось количеством детей. Женщины не делали абортов, а о том, чтобы предохраняться, не было и мысли. Если Бог дает, значит, так надо, — и кто мы, чтобы противиться? И отец хотел иметь сыновей».

Я спросил, не ругал ли он Марию Васильевну за то, что родила только двух сыновей. Людмила ответила, что отец вообще никогда не ругал жену.

«Мама считает, что ей повезло. Кажется, разные национальности, различные вероисповедания, понятия о жизни тоже разные, и даже изъясняться они в полной мере не могли, но тем не менее прожили вместе жизнь. И прожили счастливо. Мама жила как за каменной стеной и даже не знала, что за этой стеной происходит. Войны, политические бури, кризисы и прочие события были ей неведомы и прошли, её не касаясь. Лицом и душой она была обращена к семье. Был дом-крепость, и она была в нем хозяйкой. Мама не знала, что и где купить, достать, как заработать, на что потратить. Все делал отец. Если надо ехать в отпуск, значит, надо. Москва, Сочи, Адлер, Ялта... Мама не ведала, откуда берутся деньги и вообще что это такое. Таких забот у нее не было. Она знала, что нужно убрать в яранге, пошить одежду, постирать, приготовить еду, заниматься детьми... Хотя и отец тоже нас воспитывал».

«Только начну что-нибудь делать, — добавляет к словам дочери Мария Васильевна, — он останавливает: "Мария, у тебя есть дом и дети. Остальное сделаю я"».

«Отец маму одевал, возил на материк, на курорт и гордился ею, — продолжает Людмила. — Он был интересный, высокий, стройный — настоящий русский мужчина и, наверное, мог влюбить в себя много красивых женщин. Но он любил только свою Марию».

«Многих бросали мужья, — говорит Мария Васильевна. — В Омолоне русские часто женились на чукчанках, делали детей,

потом бросали их и уезжали. Остались вместе жить только мы с ним и еще одна семья».

В августе 1990 года Иван Михайлович умер. Он, потомственный русский крестьянин, всю жизнь прожил в тундре. Работал на совесть, знал свое дело не хуже чукчей или эвенгов. Круглый год в тундре, а значит — постоянно мокрые ноги... В конце концов у него развился ревматизм, и он захромал. В 80-е годы ревматизм обострился и перешел на сердце. Иван Михайлович мог уехать на материк и постараться вылечиться, а если не удастся — умереть на родине. Но он предпочел остаться в тундре, рядом с Марией. Его похоронили в ставшем для него родным Омолоне.

Он оставил ей детей, заботливых, чутких, совестливых. Они любят и берегут Марию Васильевну. Этим летом возили её в Брянскую область повидаться с дочерью Раей. Мария Васильевна живет в Билибино у младшей дочери, в тепле и заботе, в окружении любящих внуков. Ей есть что вспомнить. И все потому, что однажды у реки Олой судьба одарила ее любовью. Ей надо было решать мгновенно, сразу, в течение нескольких секунд. И она не испытывала судьбу, не противилась ей. «Я счастлива, потому что прожила жизнь с тем, кого любила».

Вот уже десять лет, как Мария осталась без своего Ивана. Но она всегда думает о нем. В её жизни он был единственным мужчиной. И этот единственный оказался и любимым, и любящим! При первой нечаянной встрече, не зная языка, Иван сказал: «Никогда не брошу!» И она была счастлива с ним, живя в его тени, под его защитой. Она жила так, как хотел он, и была такой, какой он хотел её видеть, и делала всегда только то, что говорил он.

Покорство? Рабство?

Ничуть. Просто она так понимала жизнь и свою роль видела в том, чтобы идти за ним и помогать ему. Во всем! Он и был для нее всем. За время разговора Мария Васильевна ни разу не назвала

своего мужа по имени. Только — Он. Конечно же, с большой буквы.

(Автор стихов неизвестен.)

*Где плыву, куда причалю?
Ты не гнись, мое весло.
Не заметил, как печалью
Лодку горе унесло.*

*А у горя, как у моря,
Волны черные дики.
И любовь, со мною споря,
Погасила маяки.*

*Ты плыви, плыви далеко,
Спорь с туманом над волной.
И красиво, и жестоко,
Но жестоко лишь со мной.*

*Из книги В.Н.Жука «Мать и дитя».
Санкт-Петербург, 1891. С.273-274.*

«Въ Малороссіи, у простого народа, существуетъ убежденіе, что матери "не годится резать пуповину", а потому, если случится женщине родить одной, то она всегда перегрызаетъ ее и завязываетъ узлом, въ ожиданіи повитухи. Перевязать же сама не имеетъ права, иначе ребенокъ выйдетъ такой, что "выисть очи и батькови, и матери", вследствие чего въ подобныхъ

случаяхъ дети часто исходятъ кровью. Кажется, что предразсудокъ этотъ распространенъ и въ другихъ местахъ Россіи. У дикарей существуютъ тоже своеобразные способы отделенія ребенка отъ послѣда. Въ Австраліи и въ Южной Америке мать разминаетъ или отрезаетъ пуповину. Другія племена для отделенія послѣда употребляютъ острые камни, раковины, деревянные ножи, трети перекручиваютъ пуповину и кусокъ, оставшійся у ребенка, не перевязываютъ, а присыпаютъ кровоостанавливающими веществами. Весьма вероятно, что эта перерезка тупыми орудіями не даетъ такъ часто опасныхъ кровотеченій (въ хирургіи иногда употребляется подобный же способъ), какъ перерезка острыми орудіями безъ перевязки или со слабо затянутой петлей...»

Из книги Генри Друммонда «Эволюция и прогрессъ человека». Москва, 1897. С.320.

«Въ то время, какъ мужчина, безпокойный, пылкій, голодный, является странникомъ на земле, женщина созидаетъ домъ. И хотя бы этотъ домъ былъ только помостомъ изъ сучьевъ и листьевъ, въ роде того, какой строить себе на дереве горилла, онъ становится первой великой школой человеческого рода, потому что въ одинъ прекрасный день въ этой безкровельной комнатѣ появляется то, что призвано учить учителей міра, — младенецъ.

Никогда не всходилъ более великій день для эволюции, какъ тотъ, въ который родилось первое человеческое дитя. Ибо тогда вступило въ міръ единственное, чего недоставало для завершения человеческого прогресса, — учитель любви. Возможно,

что мать учитъ ребенка, но въ гораздо более глубокомъ смысле дитя учитъ мать. Милліоны милліоновъ матерей жили въ міре до этого, но высшія чувства любви не родились. Нежность, кротость, безкорыстіе, любовь, попеченіе, самоотверженіе — ихъ еще не было, или если они и были, то только въ зародыше. Деторожденіе существовало въ низшихъ формахъ, но материнства еще не было. Чтобы создать материнство и все, что заключается въ этомъ святомъ слове, требовалось человеческое дитя...»